

Появившаяся в предшествующем выпуске «Менестреля» подборка анонимной поэзии вызвала большой интерес у читательской аудитории альманаха. В этом номере мы «срываем маски» – объявляем имена участников предыдущей антологии.

Стихотворение № 1 принадлежит Ивану Тарану, № 2 – Андрею Дмитриеву, № 3 – Ивану Соснину, № 4 – Владимиру Алейникову,

1
* * *

Уже душа на заступ заперта.
Взметнувшись, пала тишина льняная.
Но музыка проходит мимо рта –
что с ней ни делай, как её ни нянькай.

Как научиться чуду — не спеша
следить огонь, играющий с дровами,
лишь порами раскрытыми дышать,
когда гортань запаяна словами?

Когда, и подвига какого для,
невежду отвлекла от умных игрищ
великая и нищая земля,
под ногти загоняющая иглы? —

когда ты, пальцами сдирая лёд,
чтоб докопаться звука корневого,
умеешь видеть то, что не умрёт,
но не умеешь сохранить живого.

Природа, дай твой мотыльковый снег,
кореньев кривизну и узловатость,
чтобы никто — ни зверь, ни человек —
над памятью моей не издевался.

Дай силы радоваться прямизне
молчащих струн и початой полбанке,
грибнице, из которой по весне
произрастут весёлые поганки.

2
* * *

Мама стала махонькая, как котик.
Мама стала тихонькая, как мышка.
Мама еле-еле по дому ходит.
Гречку перебирая,
лапкой гребёт, как мишка.

Мамины дни теперь ни пестры, ни пёстры —
мелкой моторикой их не унять, итожа.
Старость и немощь — тоже родные сёстры,
так бы поэт сказал, если б только дожил.

№ 5 – Алексу Трудлеру, № 6 – Валерию Скобло,
№ 7 – Александру Бекишеву, № 8 – Анне
Долгарёвой, № 9 – Марине Улыбышевой.

Редколлегия альманаха выражает
благодарность авторам и критикам,
поучаствовавшим в этом смелом
эксперименте. И, разумеется, предлагает
вниманию читателей следующую анонимную
подборку, более объёмную и разнообразную.

Мама крючком салфетки плетёт, платочки,
превозмогая тернии Паркинсона.
Если идти, то надо идти до точки —
где золоты цветы на кайме виссона.

3
КУДЕСНИК

соседнего мрака с дарами волхва
садился на камень замшелый
слетались к нему из Заветов слова
садились на плечи и шею.
тускнели под взглядом луна и звезда
кусты и деревья робели
он в воду глядел и дымилась вода
и рыбы бросались на берег
к соседнему мраку отправился мрак
не узнанный им и собакой
подёрнулись светом холмы и овраг
и ветер в овраге заплакал
и волк приходил на задумчивый свет
напоенный облачным млеком
– я верой и правдой служил триста лет
пусти меня жить человеком

4
* * *

Заблудился в дверях. Закрутился.
Шаг – и больше не знаю – куда.
Сон такой же когда-то мне снился.
Дальше – лодка, туман и вода.

Берег, город, и люди, и строят
Что-то многие сотни людей.
И вода в молчаливом покое,
И твоё отраженье в воде.

И какие-то лестницы, башни,
И какой-то причал впереди.
Просыпаюсь, и вроде не страшно.
Возвращаюсь, но только один.

5

длится день в балансе светотени
лист кружит на новом вираже

осень это время сожалений
обо всём что кончилось уже
что ещё тревожило когда-то
и о чём так долго не спалось
осень это точка невозврата
золотая маленькая ось
в середине тёмного ненастья
где идёшь наощупь как фантом
в жизнь влюбляясь заново и насмерть
но ещё не ведая о том

6 Шлягер

Человек, разучившийся спать,
нервной дрожью прошит до кишок,
повторяет опять и опять
в детстве слышанный глупый стишок:

*«У меня ни двора, ни кола.
В руки вьелся густой креозот.
От меня моя дрочля ушла —
пусть с другим больше ей повезёт».*

Извертясь на постели к утру,
он встречает несносный рассвет,
озирая свою конуру,
добивая бычки сигарет.

Шведский столик и чешское бра,
из карельской берёзы паркет,
но не комната — так, конура,
если в комнате женщины нет.

Шесть. Пора телевизор включать —
всё же жизнь, а не пошлый психоз.
Человек, разучившийся спать,
тонким басом гнусавит под нос:

*«У меня ни двора, ни кола.
В душу вьелся густой креозот.
От меня моя дрочля ушла —
пусть с другим больше ей повезёт».*

7

* * *

Строчка сочно крадётся горлом,
Срочно на языке вертится...
Я листочек, натёртый городом,
Как отбитое мясо перцем.

Я кусочек бумаги белый,
Где напишут — кому что хочется!
Напророчено быть пробелом мне
Между точек в многоточиях
Человеческих жизнью, судеб... Ах!
В них напёрсточник море вычерпал!..

Пусть напишут, что ж.
Да и будет так.
Ненаписанное — не вычеркнуть.

8

* * *

Неоконченная Лю, как неоконченная пьеса,
Может лежать в столе. Надышавшись пылью
Вылезти, оглядеться, выдать, ради интереса:
«Здравствуйте, вы про меня забыли!».

Сделаем вид. (Кто продержится дольше
в непонимайку). Хотите йогурт,
печенье, капельки? Утихнет боль, ше-
девры классики нам помогут.

А Лю? Что Лю! Надо было думать самой.
Ну не к нам же, в самом деле,
с вопросами типа «Сердцем или головой?»,
«На что вы готовы ради», «Чего вы хотели?».

Бо-Бо-Бо, куда вы проситесь, без вас тесно,
Лю облюбовала стол уже,
комнату уступать придётся, она есть но
с вопросами собственности мы настороже.

Капельки, печенье, йогурт. От радости
взвизгни,
Встретились Лю и Бо. А мы-то...
Мы не готовы к продолжению жизни.
Прыгай обратно в стол. Закрыто.

9

* * *

Становится душно
на свете
так душно
что нечем дышать
и дети
становятся меньше
старухи
становятся старше
и небо
все ниже спустилось
и просто
легло на кровать
ну что же ты
синее небо
когда собой будешь
опять
когда вновь
поднимется ветер
цветы зацветут
и распустятся листья
и нам
так легко будет
снова
в проснувшемся мире
дышать.

10
Яблочко

Созрело яблочко и покатилося...
Так я пропала, когда тебя повстречала.
Сначала перья взъерошила, нахохлилась,
потом в ладони мягкие упала.
Упала и рассыпалась горошинами, бусинами
и покатилась вниз крутыми спусками
к таким же горошинам
нахохлившимся и взъерошенным.

11
* * *

Как страшно, наверное,
голому или полуголому
Выходить в интернет,
Человеку, но сейчас как раз вот такой момент –
И без рубашки, без фильтра,
Как есть, как большая трава
и малая в ней былинка,
Как есть,
Выходит человек в интернет,
Много ли ему лет,
И много ли осталось ему лет,
Ему, может, не так много лет,
Ему, может, осталось немного лет,
Но человек берёт и выходит,
Как Гагарин, голый и в интернет,
Как в космос — на белый свет.

12

Страховка, ссуда, ипотека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи ещё хоть четверть века –
Все будет так. Исхода нет.

Умрёшь – начнёшь опять сначала
Всё снова точно также будет:
Ночь, ледяная рябь канала,
Страховка, ипотека, ссуда.

13

жизнь простое слово вроде вырицы
у поэтов есть ещё пока
лучшие как бабочки-крапивницы
им довольно капли молока

были мы поэтики неспелые
колосились кто во что горазд
лучшие всегда уходят первыми
остальным бессмертье не указ

потому и ходим друг за дружкойю
шаркая стихами по ФБ
лучшие стучат на небе кружками
на заборах пишут ДМБ

14

то вы про фивы то вы про фермопилы
мне бы не спартанцев мне б уже триста грамм
как бы сейчас вы неотразимы были
если б хотя б агдам

я вам о градусах вы же мне про промилле
вот и проходит жизнь как прошла весна
как вы чудесны как вы бы прекрасны были
если бы не она
не извилина

15
* * *

У детей родятся дети, –
Повернётся мельница.
Поворотом правит ветер, –
Вертится и вертится.

Старости открыта пасть –
Чёрная, пещерная.
Вместе (старая слепа!)
Перепрыгнем через.

Снова встретимся детьми
По другую сторону:
Мы играли этот мир
И делили поровну.

Как ни ввали нам про Смерть
Правильные взрослые,
Знаем: главное – посметь
Зашагать по воздуху.

16

современная поэзия бывает
декларативная и предметная
декоративная и конфетная
корпоративная и пакетная
вариативная и конкретная
альтернативная и секретная
весьмаспортивная и инертная
ужаснобедная и монетная
суперинтимная и заветная
сумасводимная и запретная
кудапойтимная безответная
и всякоразнодляжизнивредная

**читайте поэтические книжки
они сокращают жизнь**